

Научная статья
УДК 130.122:8
DOI: 10.18101/1994-0866-2022-4-74-83

О ВЫЗОВЕ К ВЕДУЩЕЙ ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ XX ВЕКА: ГОРИЗОНТ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

© **Корниенко Михаил Анатольевич**

кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 36
mkornienko1@gmail.com

Аннотация. В статье раскрыт процесс формирования ведущей лингвофилософской теории XX в. — открытия Ноама Хомского, положившего начало генеративизму. Раскрыта суть порождающей («генеративно-трансформационной») грамматики. Показано, как утверждает Н. Хомский, что ее правила и принципы носят врожденный характер, позволяя формировать и понимать бесконечный ряд высказываний с помощью ограниченного массива правил и конечного набора грамматических языковых средств. Показано также, что язык в концептуальной интерпретации Н. Хомского — внутренняя система, соединяющая звук и значение особым способом, посредством порожденных выражений. Раскрыта история применения термина «языковая модель». Показано, что в концептуальной трактовке Н. Хомского модель интерпретирована как формализованная структура языка, схема конструирования языка. Сопоставлены предложенные Н. Хомским на стадиях Стандартной теории и Расширенной стандартной теории схемы работы языка. В статье представлена полемика Н. Хомского, М. Патча, С. Пинкера, М. Брэйна, И. Шлезингера, Д. Макнейла, Н. Гудмана, Дж. Каца, Р. Джекендоффа, К. Филлмора, Г. Лакоффа, Дж. Р. Росс. Ключевой вопрос заключается в том, является ли концепция Н. Хомского теоретически обоснованной или же это гипотеза? В качестве примеров, подтверждающих позицию автора, используются языки экзотических культур, например, язык племени пираха. Сегодня это единственный живой язык в семье муранских мертвых языков. Принципом архаичного образа жизни пираха является «принцип прямого отношения» (Д. Эверетт). Возможно, именно этот принцип может поставить под сомнение принципы порождающей грамматики Н. Хомского. Статья написана в форме новой постановки проблемы, которая, казалось бы, давно вышла из сферы ожесточенных дискуссий, и вновь призывает к размышлению.

Ключевые слова: теория порождающей грамматики, лексические «атомы», языковая модель, правила механизма порождения, «словесный детерминизм», схема работы языка, интуиция говорящего, теория лингвистической относительности, архаичный уклад жизни, принцип непосредственного мироощущения, языковая эволюция, идея рекурсии, алгоритм мышления.

Для цитирования

Корниенко М. А. О вызове к ведущей лингвофилософской теории XX века: горизонт критического дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 4. С. 74–83.

Вторая половина XX в. принесла миру науки открытие, положившее начало генеративизму, подходу, определившему для многих наук лингвистической и лингвофилософской ориентации направленность исследовательского поиска. Речь идет об открытии Н. Хомского, американского лингвиста, создавшего теорию порождающей («генеративно-трансформационной») грамматики. Уже в «Синтаксических структурах» (1957) Н. Хомский высказал тезис о сути порождающей грамматики — это система правил и принципов, не осознаваемых теми, кто их использует. Эти правила и принципы имеют врожденный характер и позволяют формировать и понимать бесконечный ряд высказываний с помощью ограниченного массива правил и конечного набора грамматических языковых средств: «внутренний язык» (грамматика) — это «вычислительная система, часть мышления (механизмов мозга)», создающая «неограниченное множество структурно организованных выражений» из абстрактных терминов специального лексикона, которых Н. Хомский называет «концептуальными или лексическими "атомами"» [1, р. 45]. Язык в концептуальной интерпретации Н. Хомского — внутренняя система, соединяющая звук и значение особым образом, посредством порожденных выражений.

Сам процесс формирования предложений в языковой модели Н. Хомского объясняется использованием правил употребления слов, называемых трансформационными и фонологическими. Обратим внимание на то, что в лингвистике понятие «модели» первым использовал американский лингвист Зеллиг Хэррис (Zellig Harris), но в сфере грамматики первым его использовал Чарльз Хоккет (1954), а два года спустя, в 1956 г., — Н. Хомский, интерпретируя модель как формализованную структуру языка, схему конструирования языка. Правила употребления слов — правила порождения — названы правилами механизма порождения, работающего в языке. В одной из работ раннего периода («Синтаксические структуры», 1957) Н. Хомским введены термины для обозначения «словесного детерминизма» и «детерминизма механизма порождения». И как следствие — самопорождающий характер грамматики Н. Хомского. В обозначенной работе автор пишет о ситуации, в которой роль говорящего сведена на нет, но способностью генерирования обладают структуры, обеспечивающие работу механизма порождения. «Мы рассматриваем грамматику, — пишет автор, — как систему, имеющую трехчастное строение. Грамматика включает ряд правил, с помощью которых можно воссоздать структуру непосредственно составляющих, и ряд морфофонемных правил, обращающих цепочки морфем в цепочки фонем. В качестве связующего звена имеется ряд трансформационных правил, переводящих цепочки структуры непосредственно составляющих в цепочки, к которым приложимы морфофонемные правила» [2, с. 130]. Схема работы языка представлена уже на стадии Стандартной теории, и она такова: правила грамматики — врожденные правила, они используются неосознанно. В процессе создания предложений, в котором применены правила переписывания и имеющийся лексикон, формируется глубинная структура и посредством применения правил трансформации — поверхностная структура. В процессе восприятия осуществляется трансформация поверхностной структуры в структуру глубинную, понимаемую

на уровне смысла. На уровне Стандартной теории речь идет о синтаксических правилах, в то время как в Расширенной стандартной теории массив правил дополнен, в него включены правила семантической интерпретации, а также лексические правила (отсюда — название Расширенной стандартной теории: «интерпретивизм», «лексикализм»).

Характерную особенность модели порождающей грамматики Н. Хомского отмечает И. С. Степаненко. Автор делит существующие в лингвистике модели на модели анализа и модели синтеза. Именно модели синтеза позволяют объяснить получение связного семантически правильного текста. «Ссылаясь на идеи В. Гумбольдта о созидательной форме языка, — пишет И. С. Степаненко, — Н. Хомский разработал основы порождающей грамматики, которая, по его замыслу, должна моделировать интуицию говорящего. Однако данная трансформационная грамматика показывает лишь взаимосвязь статических структур, а не динамический характер языка, в ней обходятся общие вопросы семантики и структуры названий. В дальнейшем последователи Н. Хомского включили в порождающую грамматику семантическую часть, но все же она не может описать интуицию говорящего» [3, с. 203].

Явившись очевидной попыткой отойти от дескриптивизма в сфере лингвистических проблем, открытие Н. Хомского опиралось на мощную систему аргументации и доказательства. Таким является аргумент, касающийся того, как язык осваивают дети.

Анализируя языковые способности человека, Н. Хомский пишет о том, насколько быстро и самопроизвольно ребенок осваивает языковые средства (по данным Мартина Пэтча [4, с. 65], ребенок полутора лет усваивает каждый день в среднем девять слов. В шесть лет ребенок понимает 14 000 слов). Эта загадочная быстрота и легкость сосуществуют с «бедностью языкового стимула» («poverty of the stimulus argument»; «бедность языкового стимула», по мнению Н. Хомского, подразумевает, что речь, которую слышит ребенок, подчас бессистемна, отрывочна, состоит из фрагментов, неправильна; но это может быть преодолимо посредством использования врожденных языковых способностей («универсальная грамматика», «языковой дар»)) [5; 6; 7]. Онтогенез речезыковой способности оказывается подчиненным, сформированным ранее биологическим законом, напрямую связанным с функционированием мозга. Когда-то в работе 1994 г. «Язык как инстинкт» американский психолингвист С. Пинкер [8] сказал о том, что язык является продуктом культуры не более, чем прямохождение. Н. Хомский, уже в ранних работах изложивший идеи врожденности структур грамматики, аргументирует примерами изучения языка ребенком. Ребенок рождается со знанием сверхправил, с универсальной грамматикой, и та речь, которую он слышит, для ребенка является подсказкой. Эта подсказка способствует усвоению синтаксических моделей, их восприятию и в целом быстрому овладению языком. Это, казалось бы, подтверждал и эмпирический материал (М. Брэнн, И. Шлезингер, Д. Макнил, чьи работы глубоко проанализированы Т. Н. Ушаковой [9]), говорящий о врожденных «базисных грамматических отношениях» («субъект — предикат», «предикат — объект», «определение — определяемое»):

«Ребенок, изучающий язык, не имеет никаких указаний на их существование, потому что они не произносятся. Однако похоже, что языковая способность ребенка включает достаточно точные сведения об их свойствах. Сознание ребенка помещает эти пустые категории туда, где они должны быть, используя при этом принцип проекции, а потом определяет их свойства, применяя к ним различные принципы универсальной грамматики» [10, с. 192]. Н. Хомский пишет о вербальном характере принципов универсальной грамматики: «Человек, который усвоил знание языка, хранит в себе систему правил, соотносящих особым образом звук и значение. Лингвист, строящий грамматику языка, фактически предлагает некоторую гипотезу относительно этой заложенной в человеке системы» [11, с. 37].

Отметим, что аргументы, используемые Н. Хомским для доказательства правоты идей порождающей грамматики, встречали резкое неприятие. Так в конце 60-х гг. ушедшего века состоялась дискуссия Н. Хомского и Н. Гудмана относительно парадигмы генеративизма. В качестве аргумента Н. Гудман предложил «придуманный плохой язык», он не отвечал принципам врожденной структуры. Дети, если Н. Хомский в своих идеях прав, не смогут освоить этот язык. Но оппонент Н. Хомского полагал, что ребенок может освоить любой язык, так как он будет вторичен в сравнении с довербальной системой. До усвоения языка идет использование доязыковых символических систем (это жесты, сенсорные и перцептивные явления). «Усвоение первичного языка — это усвоение вторичной символической системы; и поскольку мы не обнаруживаем никаких интересных ограничений на то, что мы можем усвоить в качестве вторичного языка, у нас нет оснований полагать, что подобные ограничения накладываются на то, что мы можем усвоить в качестве вторичной символической системы» [12, с. 193–194].

Открытие Н. Хомского явилось очевидной попыткой отойти от дескриптивизма в сфере лингвистических проблем; оно было обращением к совокупности идей, сформированных ранее В. фон Гумбольдтом, грамматистами Пор-Рояля, Р. Декартом, и в целом к лингвофилософской рационалистической традиции. Предтечей порождающей грамматики Н. Хомский полагает не только картезианство, но и всю предшествующую традицию рационалистических концепций, например, средневековые спекулятивные грамматики. Идеи, изложенные в «Синтаксических структурах» (1957), претерпели ряд трансформаций; идеи подвергались модификации многими, в том числе и самим создателем порождающей грамматики, однако принципы, положенные в основу генеративизма, остались неизменными. В числе этих принципов аналитики, занимающиеся сегодня проблемами порождающей грамматики, называют принципы динамизма, дедуктивного конструктивизма и рационализма. В качестве доминантной единицы языка было названо предложение, его возникновение было рассмотрено с позиций правил двоякого рода — формационных и трансформационных. Это стало началом синтаксического этапа в лингвистике. Была сформирована идея порождающей модели языка, ориентированной на совокупность правил, на базе которых возни-

кают в языке «правильные» предложения. На смену дескриптивизму пришел этап, в котором главным явилось объяснение процесса языкового моделирования.

Принимая значимость вклада Н. Хомского в развитие лингвофилософии, обратим внимание и на тот факт, что идеи Н. Хомского играли не только роль мощного интеллектуального стимула для развития лингвофилософской мысли XX в., но и стали объектом ожесточенного неприятия и дебатов (См. подробно об этом [13], [14], [15]). Как лингвистами, так и занимавшимися проблемами лингвистической философии не принимался тезис о семантической составляющей. В литературе это неприятие объясняется тем, что в 50-е г. XX в. аналитики США, как и те, кто представлял континентальную лингвистику и лингвофилософию, практически не проявляли интереса к изучению значения предложения. «Благодаря своему структуралистски ориентированному образованию, — пишет З. А. Харитончик ... Хомский следовал традиции, уделяя внимание прежде всего синтаксису, оставляя семантику за бортом лингвистического описания» [13, с. 8]. Язык человека в его предназначенности быть репрезентацией мысли не мыслим без значения; это определяет нераздельность синтаксиса и семантики. В силу этого аргумента Н. Хомский вводит в Расширенную стандартную теорию семантический компонент, давая семантическую интерпретацию порожденным предложениям. Это вызвало появление интерпретационных, генеративных семантик, случилась «революция внутри революции», начались лингвистические войны лингвистов восточного (Н. Хомский, Дж. Катц, Р. Джекендофф) и западного побережья (Ч. Филмор и Дж. Лакофф). Генеративным, ядерным компонентом лингвистической теории была признана семантика.

З. А. Харитончик [13, с. 89] со ссылкой на исследование генеративной грамматики Р.-Д. Левином и Дж. Р. Россом пишет еще об одном проявлении ограниченности концепции Н. Хомского. Речь идет о том, что назначение генеративной грамматики — генерировать правильные предложения, принимаемые носителями языка. Генеративизм описывал эти правила, способные не только порождать огромный, бесконечный в перспективе массив предложений, но и предсказывать их грамматичность, что выражалось в умении и способности формального определения приемлемости/неприемлемости выражений естественного языка. Но эти правила-алгоритмы, по мнению Дж. Р. Росса, оказались лишенными четкости. Правила — это алгоритмы, являющиеся общим принципом регулирования отношений между предложениями. Так вот, этот принцип демонстрировал неустрашимое противоречие, будучи одновременно и слишком слабым, и слишком сильным. Слабость («слишком слаб») обозначенного принципа заключалась в случаях неприемлемых предложений, которые он не мог блокировать; сила («слишком силен») заключалась в его способности ошибочно блокировать совершенно приемлемые примеры. Дж. Серль, изучающий речевые акты, уточняет и применимость понятия «семантическая компетенция», когда пишет, анализируя последствия абстрактности порождающей грамматики Н. Хомского, об ориентации порождающей грамматики на идеальные отношения говорящего и слушающего, на языковой социум, который достаточно однороден, где знают язык и не отягощены такими грамматически нерелевантными параметрами, как ограничения объе-

ма памяти, смена фокуса внимания и интереса, ошибки (спорадические или постоянные) при применении своих знаний о языке в реальном функционировании. Проблему Дж. Серль видел в том, что «Н. Хомский мог репрезентировать многое, хотя и не все, из знаний говорящего о внутренней структуре предложений с помощью правил т. н. «фразовой структуры». Хомский характеризует лингвистическую компетенцию говорящего как его способность производить и понимать предложения. Но это в лучшем случае уводит в сторону: знание человеком значения предложений состоит в большей части из его знания о том, как использовать предложения, чтобы высказывать мысли, задавать вопросы, делать указания, запрашивать информацию, обещать, предупреждать и пр. и понимать других людей, когда они используют предложения для этих целей. Семантическая компетенция — это в большей степени способность производить и понимать то, что философы и лингвисты называют речевыми актами» [16]. Позиция Дж. Серля усилена исследованием З. А. Харитончик, где автор пишет о ситуации, в которой постоянно меняющиеся намерения произвести определенный эффект на слушателей и множественные ошибки, которые делаются при производстве и понимании предложений, позволяют сделать вывод, что представления Хомского о нашей языковой компетенции и использовании языка ошибочны [13].

Среди моментов, говорящих об ограниченности генеративной грамматики Н. Хомского, исследователи видят в том числе тривиальные выводы и наблюдения (при этом эмпирическим базисом теории Н. Хомского явился лишь английский язык, автор не выходит за его пределы). Попытка же проверить гипотезу с универсальными правилами и принципами на языковых данных иных языков всякий раз встречается с фонологической, морфологической, синтаксической спецификой изучаемого языка. «Как только, — пишет о возможности подобно ситуации З. А. Харитончик, — некоторые из этих языков, например арабский, становились источником материала для генеративных построений, это приводило к появлению таких понятий, как автосегментный синтаксис, уровневая фонология, и других, не менее интересных нововведений» [13, с. 9].

Язык демонстрирует редкое многообразие. В экзотических культурах не находят применения императивы школьных грамматик. Так в языке хакальтек (семья языков майя) нет прилагательных, их роль выполняют глаголы, и вместо того, чтобы сказать «конь белый», индеец скажет «конь белеет». Глаголами в сочетании с дополнениями обозначены понятия, имеющие в европейских языках статус существительных (в ирокезском языке кайюгов словосочетание «он мой отец» обретает форму «он отцовствует мне», язык индейцев навахо имеет грамматические глагольные формы, с точностью отражающие свойства подлежащего. К примеру, глагол *sela* с языка навахо может быть переведен следующим образом — «я, длинный и тонкий, лежу на земле, растянувшись как веревка» (Примечание: Материал взят в исследованиях Юргена Брошарта [17]). На идее безграничности потенциала языковых различий базируется теория лингвистической относительности Бенджамина Уорфа и Эдварда Сепира. Потенциал языковых различий действительно безграничен. Сегодня в мире существует около 7 000 языков, и порой трудно определить, включены ли в это число только языки, или

включены и диалекты. Юргену Брошарту принадлежит гипотеза, согласно которой половина существующих сегодня языков может исчезнуть уже к концу XXI в., хотя и в начале XXI в. обнаруживают себя племена (таково племя индейцев Бразилии метиктир, ставшее известным лишь в 2007 г.), говорящие на ранее неизвестных наречиях.

Возможно ли определить закономерности, которым подчиняется в своем развитии язык? Одной из попыток определения этих закономерностей, присущих всем языковым формам, стала идея порождающей грамматики. В основании этой идеи — сравнительный анализ креольских наречий переселенцев. Эти креольские наречия испытали влияние многих языков, в числе которых — английский и португальский. Обращает на себя внимание обстоятельство географической удаленности ареалов распространения креольских наречий (Гавайские острова, Ямайка, острова Зеленого мыса, Карибский бассейн, Западная Африка). И хотя обозначенные наречия имеют специфические грамматики, можно видеть и сходные грамматические формы, что возможно объяснить врожденным знанием программ «универсальной грамматики». В основании «порождающей грамматики» Н. Хомского лежит ряд универсалий, одной из которых является способность языка к рекурсии. В лингвистике рекурсией называют способность языка порождать вложенные предложения и конструкции. Идея Н. Хомского оспаривается Д. Эвереттом, полагающим, что не существует ни одной грамматической или смысловой категории, которая была бы принадлежностью всех существующих в мире языков. Однако в языках мира использованы все варианты расстановки подлежащего, сказуемого, дополнения. Не говорит ли это о правоте Н. Хомского? Кроме того, существует и еще одна закономерность языковой эволюции. Она заключена в следующем: языки типологически различны, однако каждый из них, эволюционируя и трансформируясь, меняет свой типологический статус и переходит в иную категорию. Так, к примеру, осуществляется трансформация китайского языка — его оформление как языка флективного; в английском языке осуществляется обратное — этот язык освобождается от флексий (окончаний, говорящих о склонении и спряжении) и из группы флективных языков уходит, приобретая иной типологический статус.

Попытка оспорить лингвистическую теорию Н. Хомского была предпринята американским этнолингвистом из университета штата Иллинойс Дэниэлом Эвереттом. Д. Эверетт провел в джунглях Бразилии полвека — в племени индейцев пираха, не употребляющих в своей речи сложные синтаксические конструкции. И хотя способность оперировать сложными предложениями — доминирующее свойство человеческих языков и отличительное свойство психики человека, племя пираха употребляет в речи лишь простые предложения. Мальте Хенк, исследующий речевую культуру пираха, приводит в качестве примера ответ на вопрос об охоте на крокодила: «Я начинаю говорить: я еще никого не убил. Потому я ищу выше по течению. Ищу выше по течению. Нет. Тут никого нет. Потом я говорю. Крокодил, наверное, боится. Я ищу в месте слияния рек. Потом я говорю. Вот! Крокодил тут! Потом я говорю: Вот! Уже убит. Потом я иду обратно. Потом уже всходит луна. Потом я прихожу обратно. Солнца нет. Дэн спит. Он увидит

его завтра при свете солнца». Язык пираха не содержит числительных, не содержит слов для обозначения цветов, в этом языке нет слов «вчера», «сегодня». Язык пираха — единственный живой язык в семье мертвых муранских языков. И хотя первая встреча европейцев и пираха произошла 200 лет тому назад, остался неизменным архаичный уклад жизни, в основании которой — «принцип непосредственного мироощущения» (Д. Эверетт).

В своей первой книге 1957 г. «Синтаксические структуры» Н. Хомский сформулировал идею универсальной грамматики, объявив способность структурировать речь по грамматическим схемам той матрицей, которая идентична у всех народов, — структурная модель языков едина. Позднее, в работе 2002 г. «Что такое языковая способность, кто ею обладает и откуда она берется?», Н. Хомский вновь обратился к идее рекурсии и объявил фразы любой сложности сугубо человеческим свойством, а рекурсивную коммуникацию языком. Однако многим архаичным культурам попросту не нужны определенные синтаксические структуры. Например, отсутствие придаточных предложений в языке пираха можно было бы объяснить принципом непосредственного мироощущения, присущим архаичным культурам. Придаточное предложение (а в нем неявно присутствует предшествующий опыт) противоречит этому принципу. Этим, возможно, и объясняется тот факт, что принцип рекурсии как алгоритм мышления в этом языке не работает. Так зададимся вопросом: является ли универсальная грамматика действительно универсальной? Возможна ли сегодня ситуация, в которой ведущей лингвистической теории XX в. будет брошен вызов?

Литература

1. Chomsky N. Some simple evo-devo theses: how true might they be for language? // The evolution of human language: biolinguistic perspectives / R. K. Larson, V. M. Deprez, H. Yamakido (etc). Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 5–62.
2. Хомский Н. Синтаксические структуры = Syntactic Structures // Новое в лингвистике. Москва, 1962. Вып. II. С. 412–527. URL: <http://codenlp.ru/books/ssh.pdf> (дата обращения: 05.09.2021). Текст: электронный.
3. Степаненко И. С. Проблемы моделирования предложения в семантическом аспекте // Актуальные проблемы языкознания. Санкт-Петербург: ЛЭТИ, 2017. Т. 1. С. 202–207. Текст: непосредственный.
4. Пэтч М. Открытие слов // GEO. 2010. № 7. С. 65–71. Текст: непосредственный.
5. Chomsky N. Approaching UG from below // Interfaces + Recursion = Language? Chomsky's minimalism and the view from syntax-semantics / U. Sauerland, H.-M. Gärtner (etc). Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 1–30.
6. Chomsky N. Three factors in language design // Linguistic Inquiry. Winter 2005. Vol. 36, N. 1. P. 1–22.
7. Пинкер С., Джекендофф Р. Компоненты языка: что специфично для языка и что специфично для человека // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. Москва, 2008. С. 61–292. Текст: непосредственный.
8. Пинкер С. Язык как инстинкт. Москва: Эдиториал УРСС, 2004. 456 с. Текст: непосредственный.

9. Ушакова Т. Н. Двойственность природы речезыковой способности человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 2. С. 5–16. Текст: непосредственный.
10. Хомский Н. Язык и проблемы знания / перевод с английского И. М. Кобозевой, Н. Исакадзе, А. А. Арефьева. Благовещенск, 1999. С. 192. Текст: непосредственный.
11. Хомский Н. Язык и мышление / перевод с английского Б. Ю. Городецкого. Благовещенск, 1999. С. 37. Текст: непосредственный.
12. Гудман Н. Эпистемологический спор // Философия языка. Москва: Эдиториал УРСС, 2004. С. 193–194. Текст: непосредственный.
13. Харитончик З. А. Хомскианская революция: обещания и результаты // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 5–11. Текст: непосредственный.
14. Мясникова А. С. Н. Хомский: от Декарта к глубинной грамматике // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2015. № 5. С. 36–47. Текст: непосредственный.
15. Вдовиченко А. В. Кризис античной модели языка в генеративизме Н. Хомского // Вестник ПСТГУ. III: Филология. 2006. Вып. 1. С. 105–122. Текст: непосредственный.
16. Searle J. R. A Special Supplement; Chomsky's Revolution in Linguistics. 1972. June 29. URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/1972/jun/29/a-special-supplement-chomskys-revolution-in-lingui/?pagination=false> (accessed: 10.03.2021).
17. Брошарт Ю. Искусство говорить // GEO. 2010. № 7. С. 58–64. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 13.11.2022; одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 29.11.2022.

ON THE APPEAL TO THE LEADING LINGUO-PHILOSOPHICAL THEORY OF THE 20th CENTURY: THE HORIZON OF CRITICAL DISCOURSE

Mikhail A. Kornienko

Cand. Sci. (Philos.), Senior Researcher,
National Research Tomsk State University
36 Lenina Prospect, Tomsk 634050, Russia
mkornienko1@gmail.com

Abstract. The article reveals the process of development of the leading linguo-philosophical theory of the 20th century — the discoveries of Noam Chomsky, who laid the foundation for generativism. We have revealed the essence of generative ("generative-transformational") grammar. According to N. Chomsky, its rules and principles are intrinsic, and allow forming and understanding an infinite series of statements with the help of a limited scope of rules and a finite set of grammatical language means. It is also shown that the language in the conceptual interpretation by N. Chomsky is an internal system that connects sound and meaning in a special way, through generated expressions. We have revealed the history of using the term "language model". It is shown that in the conceptual interpretation by N. Chomsky, the model is interpreted as a formalized structure of the language, a scheme for constructing the language. We have compared the schemes of the language work proposed by N. Chomsky at the stages of the Standard Theory and the Extended Standard Theory. The article presents the controversy of N. Chomsky, M. Patch,

S. Pinker, M. Brain, I. Schlesinger, D. McNeil, N. Goodman, J. Katz, R. Jackendoff, K. Fillmore, G. Lakoff, and J. R. Ross. The key question is whether N. Chomsky's concept is theoretically justified or is a hypothesis? As examples confirming the author's position, we have used the languages of exotic cultures, in particular, the language of the Piraha tribe. Today it is the only living language in the Murano dead language family. The principle of the Piraha's archaic way of life is the "principle of direct relationship" (D. Everett). Perhaps it is this principle that can cast doubt on the principles of N. Chomsky's generative grammar. The article is written in the form of a new statement of the problem, which, it would seem, has long left the sphere of fierce discussions, but now again calls for reflection.

Keywords: theory of generative grammar, lexical "atoms", language model, rules of the mechanism of generation, "verbal determinism", scheme of language work, speaker's intuition, theory of linguistic relativity, archaic way of life, principle of immediate world perception, language evolution, idea of recursion, thinking algorithm.

For citation

Kornienko M. A. On the Appeal to the Leading Linguo-Philosophical Theory of the 20th Century: The Horizon of Critical Discourse. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*. 2022; 4: 74–83 (In Russ.).

The article was submitted 13.11.2022; approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 29.11.2022.